
Где родился — там не пригодился.
Дом растаял в пасмурной дали.
Помнишь, как безудержного Нильса
Гуси недолетные несли...

Как имён зачеркнуто немало
На полях истории простой...
Как меня чужбина обнимала
Холодом, презрением, пустотой.

Всех спасал, да сам не изменился —
Прижилось заклятие во мне.
И всё больше превращаюсь в Нильса,
Никому не видимый вовне.

Сгинул Мартин, канула империя...
Крысы атакуют небеса.
И в руке остались только перья —
Мне вовеки их не исписать.

В черепа ступе вращая анапеста пест,

Смотришь — как лес увядает

божественно женственно...

Если и явится с неба какой-нибудь перст —

Не ошибёшься в земном толковании жеста.

Все полушарья обшарив, угла не найдя,

Где приземлить свою душу — транзитную путницу,

Ты говоришь — у меня всё в порядке... Но я

вижу сумятицу и никчemuшную путаницу.

В ярмарке судеб куда тебе с нимбом ярма...

Груз не облегчишь — да только натерпишься сраму и

жизнь по листочкам раздаришь — раздашь задарма,

чтоб, как подросток, кичиться глубокими шрамами.

Рядом с тобою и я заклинаю слова,

Чтоб для тебя извивались, жалели и жалили.

Дудка стара и мелодия эта слаба

Миру поведать — о чём умолчали скрижали...

Только в дрожании пальцев, в мерцании нот,

В том, как звучу невпопад в эту пору осеннюю,

Прячься от холода, блудное сердце найдёт —

Нет — не спасенье...

спасительный призрак спасения.

У нас не до романтики — драконы

Жиреют не по дням, а по часам.

И щёлкают зубами дыроколы,

И оборотни рыщут по лесам.

У бургомистра пассива сменилась —
Об этом заголовки всех газет.
Я проворонил бал и впал в немилость
За то, что не явился поглазеть.

Война идёт. О ней давно б забыли,
Когда б не дорожали потроха.
Я прочитал намедни два стиха,
Ждал критики, но все на них забили...

Шестого дня влюбился поутру.
Блистал пред ней умом, глаза мозолил...
Гадалка мне сказала, что умру.
Жена зашила дырку на камзоле.

Святая кротость, бедная моя,
Тебе со мной час от часу не легче.
Я б изменился так, чтоб я — не я,
Но от себя живых, увы, не лечат.

Одна лишь смерть... Но только не весной,
Когда бурлит шампанское сирени
И ангел мой в юдоли неземной,
Закрыв глаза, играет на свирели.

Пусть я умру в каком-то ноябре,
Помянутый насмешками и бранью —
Как будто я весенней гулкой ранью
Не пролетал на пушечном ядре...

Натешатся, ославят за глаза,
Для сплетен не отыскивая повод.
И только ты... Ты будешь знать и помнить.
Но ничего не сможешь рассказать.

Я ль не препинался о законы,
Я ли эти пни не корчевал,
Превращая изгородь загона
В накрепко сплетённые слова...

Осознания нету и в помине.
Я ли взгляд не вперивал в зенит,
Воскликая: «Господи, помилуй!» —
Будто это Он меня казнит...

Стали годы, словно дни, короткими.
Стала жизнь на выдумки слаба.
Не мычите божьими коровками,
Лепые нелепые слова...

Стынут волны страсти фиолетовой.
И в предгорьях левого плеча
Тяжелей вериги филаретовой
Жжёт неразделимая печаль.

Всё проходит — хочется, не хочется...
Жизнь меняет русло. C'est la vie.
Неизбывно только одиночество
Мудрости, таланта и любви.

И пока один пронзённо мечется —
Мирно плещет времени река.
Мерно копошится человечество,
Как наживка в банке рыбака.

Скоро мы все разойдёмся по разным углам

и допишем, что сможем.

Наши незыблемо зыбкие музы растают, развеются смогом.

Вряд ли мы станем уже щебетать, но и вовсе не смолкнем —
надо же как-то друг с другом хотя бы порой говорить...

Скоро мы станем в потёртых альбомах

искать наши прежние лица.

Мёртвые птицы, зелёные перья, багряные листья

будут казнить наши сны. И наутро бессмысленно длиться
станет всё то, что уже не вернуть, не исправить и не повторить.

Я и теперь иногда ухитрюсь из нашего шумного ада

тихо исчезнуть туда, где светило смешливо, неспешно и ало...

Где по потребностям делят любовь —

только мне, ненасытному, мало,

чтобы не чувствовать боли и вновь, как ребенок, смеяться и петь.

Часто мне видятся те перелески и балки, где ёлки и палки,

юркие белки, поляны, цветы и весёлые целки-весталки...

Там моё бедное сердце, как Лазарь, трепещет на белой каталке,
веря, что ты подойдёшь и спасёшь,

если только чуть-чуть потерпеть.

Скоро мы все разойдёмся по разным углам

и отыщем, что сможем.

Что не сложилось, в уме, как учили, разделим и сложим.

Что я пытаюсь тебе объяснить этим путаным слогом...

Только любовь и останется, милая, только любовь.

Трудно ручью вырастать, превращаться в широкую реку.

Глупо в любви объясняться поэзии пьяною речью.

Я бы её променял на беззвучную речь человечью —

только куда мне девать этот ворох безвыходных слов...

...от безысходности кутаясь в чувство вины,
куришь, отважно сутулые сутки ругая...

Словно никто тебе страх не подмешивал в сны,
словно тебе не ясны ни одна, ни другая —
сущности этих скитаний, — когда поутру
хочется просто пожить... А с полудня — досада...

Словно никто твою тень на девятом ветру
не продырявил листвою продрогшего сада.

Как сошёл на землю, разом всё позабыл.
Стал подрядчик в порту, а болтают — был моряком...
У его Ассоль в глазах звёздная пыль.
У портовых шлюх на сосцах — ром с молоком.

У него в подвздошь с утра длинная боль,
И зимою белая даль из его окна.
И потёртую жёлтую карту его Ассоль
Достаёт вечерами, сжигая свечу одна.

Он морочит девицам голову, их отцов
Обдирает ночами в покер, впадая в раж...
У червовых дам на губах порт не обсох,
Но у их королей в головах — лишь звонкая блажь.

Он секстаном колет орехи, а свой журнал
Судовой превратил в оружие против мух.
И когда не зол, величает Ассоль: «Жена!»
И Ассоль, улыбаясь, ему отвечает: «Муж...»

Он живёт свою жизнь, будто выиграл ночью две.
И чего ж его ждать — ведь не Нельсон, не Ушаков...
Но рассвет не наступит, покуда не скрипнет дверь.
И Ассоль не уснёт, не услышав его шагов.

Парикмахер, раскудри твою мать,
Поцелуй меня, подобно Иуде...
Я отныне не боюсь умирать.
Там теперь и у меня — свои люди.

Подуши меня... смелее, не трусь!
Подыши, искусно бритвой лаская...
Потуши, ведь я и жить не боюсь —
Даже взор бесстыже не...
опускаю.

Опускаю всё, чему не воздать
Даже словом — что вело к осознанию...
Я отныне не боюсь опоздать,
Всё равно — и опоздать опоздаю.

Опоздаю.
В непутёвой груди
Непослушное предсердие рвётся.
Удержи меня, кричит, убеди...

Я и с этим опоздал — не вернётся.

Не вернётся, парикмахер, никто
Ни к кому и никогда ниоткуда...

Ты с меня уже настриг целый стог,
Мой услужливый невинный иуда.
Не криви стыдливо рот, не скучай,
Не закатывай крыжовник под веко...

Я по-русски оставляю на чай
Тем, кто может потерпеть человека.

И вновь, и вновь любовь рифмую с болью,
Ведь нас, безумцев, хлебом не корми...
И дразнит Бог последнею любовью,
И зреет сумасшествие в крови.

О, я сходить с ума имею навык —
Мучительно, надрывно, постепен...
...но сам сойду, подталкивать не надо
На шаткую последнюю ступень.

И стоя на последней, обречённой,
Над чёрным средоточием судьбы,
Я сам сосредоточенным и чёрным
Пребуду в муках внутренней борьбы.

И мне на миг привидится, приснится,
Что смерть неповторима и легка...
И надо мной карающей десницей
Господь на миг раздвинет облака.

И, видя изменения палитры,
Я потянусь к несбыточной мечте.
И обращусь не в робкие молитвы,
Но в жаркий шёпот, шёпот в темноте.

Покуда мига зыбкое богатство
Мерцает, как последний флажолет...
Позволь не испугать, не испугаться,
Не отшатнуться и не пожалеть.

От любимых повеяло холодом,
Иль в себя надоело играть...
Ибо все мы под Боингом ходим —
Как сказал мне один иммигрант.

Кто нездешний не только поговору —
Знай, свой ужас держи в кулаке...
Ходят люди чужие по городу.
Говорят на чужом языке.

Я ли, чуждый неоновым сумеркам,
По имперской аллее бреду.
Не греша многословием суетным,
Навлекаю молчаньем беду.

Навлекаю с рассвета до полночи,
И в ночи повторяю опять:
«Помоги мне, Всесильный, Беспомощный,
Промолчать. Промолчать. Промолчать».

Не важно, кто с тобою спит, —
вставай, проклятьем заклеянный!
Не важно — свеж или испит
твой лик, над мукою склонённый.

Не важно — что ты говоришь,
какой тебе с молчанья прок и
куда ты прячешь, как воришка,
незаписанные строки.

Не важен слог, не важен стиль.
Не важно — краткий стих иль долгий...
А важно не произнести
Того, что всяк услышать должен.

Как ходили с тобою по краю,
Кто — гадая, а кто наугад.
Как созрело пол-яблока раю...
Как Адам чем богат —
Тем и Гад...

Лжёт, свистит из ветвей предложение,
Грязно-розовым шьёт языком...
Как души ни меняй предлежание —
Не смиришь, не изменишь закон.

Как прищепки впивались в запястья,
И кричало бельё на ветру...
Как, ненужное знание пестуя,
Как упрямый Коперник, ору —

Как слагаю за вычетом вычет,
Как взлетают ресницы, дразня...
Как в груди моей жжёт и мурлычет —
Как за пазухой Бог у меня.